

Кулюкин С. Л. Можно ли отрицать личное бессмертие с точки зрения науки? [Рец. на:] *Сабатье. А.* Бессмертие с точки зрения эволюционного натурализма / Пер. В. Обреимова. Изд. Ф. Павленкова. СПб., 1897 // *Богословский вестник* 1897. Т. 2. № 4. С. 154–165 (2-я пагин.).

Можно ли отрицать личное бессмертіе съ точки зрѣнія науки?

Арманъ Сабатье. Бессмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Перев. В. Обреимова. Изд. Ф. Павленкова. Сиб. 1808.

Французскій ученый Арманъ Сабатье прочелъ въ мартѣ 1895 года въ Парижскомъ университетѣ (въ Сорбоннѣ) семь лекцій о безсмертіи. Лекціи эти онъ издалъ потомъ отдѣльной книжкой, которая въ нынѣшнемъ 1897 году переведена и на русскій языкъ. Интересъ этой книжки для русскаго общества понятенъ вдвойнѣ. Прежде всего, конечно, интересенъ и самъ по себѣ вопросъ о безсмертіи: неужели научныя данныя не только не противорѣчатъ, но даже и защищаютъ наше вѣрованіе въ личное безсмертіе? Но мало того, что Сабатье опирается на научныя данныя: онъ именно беретъ тѣ изъ нихъ, которыя являются въ ученномъ мірѣ самыми общеприятными,—именно онъ основывается на такъ называемомъ эволюціонизмѣ, т. е., ученіи, признающемъ, что все въ природѣ произошло путемъ постепеннаго развитія отъ формъ самыхъ простѣйшихъ и низшихъ, до формъ самыхъ сложныхъ и высшихъ. Кто не слыхалъ про Дарвина? Если кто не знакомъ серьезно съ его взглядами, то, по крайней мѣрѣ, слыхалъ, что по мнѣнію этого ученаго все живое, не исключая и человѣка, развилось на землѣ постепенно, изъ одной и той же органической первоначальной клѣточки или такъ называемой протоплазмы. Мы—славяне—надки на все иноземное и не знаемъ, какъ надо дорожить своими вѣрованіями и преданіями. Услыхавши про Дарвина, у насъ успѣшили воспользоваться лишь крайними выводами изъ его взглядовъ; чуть не готовы были признавать равенство человѣка съ животными, а не то, чтобы отстаивать высокое отличіе

человѣка отъ всѣхъ другихъ тварей или защищать его личное безсмертіе! Какъ же можно отстаивать отъ западныхъ передовыхъ ученыхъ! А между тѣмъ, для этихъ-то ученыхъ наступило отрезвленіе, и вотъ теперь, на основаніи тѣхъ же данныхъ о постепенномъ развитіи всего въ природѣ, защищаютъ самыя лучшія и дорогія для сердца человѣческаго вѣрованія. Такъ, если ужъ подражать западнымъ ученымъ и считать ихъ для себя образцами, то не слѣдуетъ же исключать и тѣхъ, которые являются не отрицателями, а защитниками лучшихъ человѣческихъ идеаловъ. Къ такимъ ученымъ и принадлежитъ Арманъ Сабатье. Что же онъ говоритъ о безсмертіи?

Вѣрованіе въ безсмертіе Сабатье старается обосновать на уясненіи всѣхъ прикосновенныхъ сюда понятій, какъ-то: матерія и духъ, мысль и мозгъ, организмъ тѣлесный и организмъ духовный и т. д. Поэтому нужно вникнуть въ эти понятія. Начнемъ съ того, что у каждаго находится всегда подъ глазами, и, повидимому, проще всего: что такое матерія? Всѣ мы видимъ вокругъ себя много разныхъ тѣлесныхъ предметовъ: камни, металлы, деревья, животныхъ, воду, воздухъ и т. д. То, изъ чего состоятъ всѣ эти предметы, мы называемъ матеріей. Обыкновенный здравый смыслъ склоненъ считать матерію чѣмъ то грубымъ, тяжелымъ, неподвижнымъ, строго раздѣленнымъ на разные виды, какъ-то: твердый, жидкій, газообразный. Но какъ только рассудокъ станетъ изслѣдовать матерію дальше, чѣмъ показываютъ простыя наши чувства, такъ сейчасъ же всѣ свойства матеріи теряютъ свою раздѣльность. При усиленіи холода замерзаетъ вода и дѣлается твердой; но если холодъ увеличить еще и присоединить нѣкоторыя другія вліянія, воздухъ обращается въ жидкость. Фосфоръ свѣтится отъ соединенія съ нимъ кислорода изъ воздуха; но при 200° холода фосфоръ перестаетъ соединяться съ кислородомъ. Такому же измѣненію подвержены и другія свойства матеріи при измѣненіи температуры; поэтому, ученые полагаютъ, что эти свойства и зависятъ исключительно отъ температуры. Гдѣ же эта матерія постоянная, твердая, въ своихъ свойствахъ, такъ сказать, мало подвижная? Вотъ почему Сабатье отказывается дать полное и удовлетворительное объясненіе матеріи съ ея физической стороны:

„она уходитъ отъ насъ, скользнуть между пальцами и исчезаетъ, лишь только мы захотимъ ее покрѣпче схватить, рассмотримъ составляющія ее начала, ея предѣльные элементы“ (стр. 76). Вотъ почему давно уже многіе ученые высказываются, что матерія не есть что-либо мертвое неподвижное: ея части, или атомы, суть скорѣе центры силъ, чѣмъ мертвыя кусочки вещества. Еще Шеллингъ сказалъ, что матерія есть „угасшій духъ“. Къ этому опредѣленію приближается и Сабатье. Онъ считаетъ матерію за форму, которую принимаетъ духъ для осуществленія своихъ конечныхъ цѣлей. „Матерія есть духъ, говоритъ онъ, сдѣлавшійся осязательнымъ для проявленія психической силы, для прогрессивнаго развитія души и нравственной личности“ (стр. 77). Ясно, какой важный выводъ слѣдуетъ дальше изъ такого опредѣленія матеріи. Личность мы знаемъ только въ видѣ живого существа, одареннаго органической жизнію съ высоко-развитой нервной системой, т. е., въ видѣ человѣка; значить, жизнь повсюду находится въ матеріи и составляетъ одну изъ ея существенныхъ принадлежностей, а не какую-либо случайность, готовую всегда исчезнуть при первомъ толчкѣ. Ибо человѣкъ во всякомъ случаѣ по своей тѣлесной сторонѣ стоитъ въ цѣни всѣхъ живыхъ существъ на землѣ; матерія составляетъ одинаково и въ человѣкѣ и во всѣхъ живыхъ тваряхъ то, изъ чего все онѣ состоятъ; и по своей матеріальной сторонѣ, все живое находится въ тѣсной связи со всѣмъ матеріальнымъ міромъ. Слѣдовательно, если духъ, по взгляду Сабатье, стремится къ развитію и усовершенствованію личности, какъ къ послѣдней своей цѣли. и на пути этого своего стремленія заставляетъ всю матерію принимать разнообразныя формы и свойства, то ясно, что вся матерія живетъ здѣсь одною жизнію и одною цѣлію: развить и усовершенствовать жизнь до ея высшаго предѣла въ личности. Значить, не мертвыя каменные массы носятся по мертвому пространству, и не та ихъ цѣль, чтобы застыть и загубить тѣмъ всякую жизнь; нѣтъ, наоборотъ, все живетъ само и стремится развивать и поддерживать жизнь. Человѣкъ, значить, вовсе не случайный капризъ природы, а вѣнецъ творенія, въ самомъ подлинномъ смыслѣ этого слова. Вотъ къ какому ободряющему выводу приводятъ мысли Сабатье о матеріи и ея

жизни! Нужно-ли говорить, какъ этотъ выводъ близокъ къ христіанскому ученію о человѣкѣ, какъ высшемъ созданіи рукъ Божіихъ! И надо сказать, что эта мысль Сабатье о всегдашней присущности въ матеріи жизни, подтверждается и опытными данными. Ученый Рауль Пиктэ въ своихъ опытахъ показалъ, что „живые организмы, подвергнутые первоначально дѣйствию холода въ 200°, а затѣмъ приведенные къ нормальной температурѣ, оживаютъ снова. А между тѣмъ при такомъ холодѣ въ 200 градусовъ исчезали всякіе признаки жизни, потому что уничтожалась всякая химическая дѣятельность“ (стр. 64). „Изученіе жизненныхъ явленій позволяетъ, говоритъ Рауль Пиктэ, помѣстить жизнь въ ряду постоянныхъ силъ природы“ (стр. 65). Она только проявляется различно: то въ скрытомъ и слабомъ видѣ, то рѣзко и ясно. Такъ, напр., Р. Пиктэ дѣлалъ еще другой опытъ. Сухія сѣмена (клевера, гороха и др. видовъ) помѣщали на 15 мѣсяцевъ сряду въ безвоздушное пространство или же въ пространство, наполненное вредными для жизни газами; и что же? Послѣ того, какъ эти сѣмена вынимали изъ этой убійственной обстановки, они, будучи положены въ хорошія условія для проростанія, проросли и жили. Или, еще извѣстель, напр., фактъ, когда пшеничныя сѣмена, найденныя въ одной изъ египетскихъ пирамидъ проросли, будучи посѣяны въ подходящую почву: а, вѣдь, эти сѣмена пролежали подъ снудомъ, безъ свѣта не одну тысячу лѣтъ! Есть также растенія и мелкія животныя, которыя, будучи засушены, умираютъ; будучи опять смочены—оживаютъ. Знаменитый Дарвинъ, усердный и добросовѣстный испытатель природы, въ описаніи своего кругосвѣтнаго путешествія не разъ высказываетъ свое восхищеніе тѣмъ фактомъ, что на всѣхъ широтахъ, и въ теплѣ и въ холодѣ, и въ сухихъ и въ сырыхъ мѣстахъ, и при всѣхъ другихъ разнообразныхъ условіяхъ онъ всегда успѣвалъ открывать признаки живыхъ существъ. Да и всѣ мы сами знаемъ, что какъ ни закрывать плотно разныя жидкости и консервы въ нихъ всегда сумѣютъ завестись, невидимыя для глаза, мельчайшія живыя твари, которыя обнаруживаются затѣмъ въ видѣ броженія, въ видѣ плѣсени, пыли и т. д. Истиннѣ вся природа кипитъ жизнью, согласно съ великимъ словомъ Божіимъ: да произведетъ земля душу живу!

Но, если такъ,—если жизнь—повсюду, и если въ тоже время мы знаемъ, что, по мнѣнію Сабатье, эта жизнь, являясь въ разныхъ формахъ и видахъ магеріи, составляетъ дѣло духа и есть его проявленіе, то само собою ясенъ другой выводъ изъ изложенныхъ мыслей, — именно, — что духъ находится вездѣ въ природѣ. Сабатье прямо и высказываетъ эту мысль и рѣшительно, убѣжденно ее защищаетъ. „Что такое духъ? говоритъ онъ. Духъ есть сила, способная думать, чувствовать и желать. Это значитъ, что вездѣ существуетъ духъ, гдѣ замѣчается нѣкоторая способность различать предметы, нѣкоторая оцѣнка побужденій, нѣкоторое проявленіе симпатіи, способности выбора, любви и отвращенія, нѣкоторыя указанія на сознание повятой цѣли... Ясно, что способности, соотвѣтствующія этимъ общимъ свойствамъ, могутъ являться въ весьма различной степени своего развитія и дѣятельности, начиная съ простого, темнаго стремленія къ осуществленію состоянія развитія до полнаго разцвѣта разума—развитаго, способнаго въ самосознанію, къ разсужденію, къ анализу, къ обобщенію,—обладающаго свойствомъ формулировать и оцѣнивать побужденія, которыя руководятъ его симпатіями и антипатіями, имѣющаго въ своемъ распоряженіи сознательную волю для того, чтобы овладѣть тѣмъ, что внушаетъ отвращеніе, а также способнаго вращаться въ атмосферѣ широкой свободы“ (стр. 64). И, дѣйствительно, если мы по общему разсужденію, признаемъ духъ прежде всего въ себѣ, то отчего не признавать его и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ жизни? Пусть себѣ жизнь въ другихъ видахъ, кромѣ нашей человѣческой, кажется и меньше развитою, и меньше яркою; но, вѣдь, это такъ сказать, только количественная разница. Если, по мудрому слову апостола, мы живемъ и движемся и существуемъ о Богѣ, то не тою ли божественною силою существуетъ и вся тварь, и вся природа? Духъ Божій носился надъ веществомъ міра при его твореніи; Духъ же все животворитъ въ мірѣ и послѣ его творенія. И надо сказать, что эта всеобщая одушевленность нынѣ принимается все большимъ и большимъ числомъ мыслителей; а простымъ человѣческимъ сердцемъ, равно какъ и чуткимъ созерцаемъ поэтовъ она чувствовалась и высказывалась всегда. Всякому человѣку инстинктивно жива и

близка вся природа, какъ общая живая мать всего сущаго.

Уяснивъ такимъ образомъ понятія о духѣ и матеріи, Сабатье переходитъ къ разсмотрѣнію отношенія между душой человѣка и его мозгомъ со всею нервной системой. Послѣ изложенныхъ мыслей о духѣ и матеріи, какимъ жалкимъ и сухимъ покажется обычное матеріалистическое ученіе о происхожденіи духа изъ матеріи! Какимъ образомъ матерія, ничего съ духомъ не имѣющая общаго, можетъ произвести духъ? Вѣдь, это гораздо неудобопріемлемѣе, чѣмъ твореніе изъ ничего. Ибо твореніе изъ ничего мы приписываемъ Богу, т. е. Духу, полному всякой жизни и благости и силы, и поэтому оно для насъ вполне понятно и логично; но безъ Бога откуда-бы появилась жизнь и духъ? Отъ матеріи къ духу никогда удовлетворительно не перейти матеріализму! Значитъ, и мозгъ одинъ, какъ матерія только, никогда не произведетъ-бы духа человѣческаго. Откуда же духъ? Вѣдь вѣрно же и то, что нашъ духъ въ своихъ проявленіяхъ много зависитъ отъ нервнаго аппарата и мозга: эта зависимость для всѣхъ знакома и очевидна. Такъ какую же роль можетъ имѣть мозгъ и нервы для духа, если несомнѣнно, что онъ не производитъ духа? Замѣчательно своеобразно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Сабатье. Мозгъ, по его мнѣнію, является аккумуляторомъ и организаторомъ духа, разсѣяннаго повсюду въ природѣ. Что это значитъ? „Аккумуляторъ“ значитъ по русски „собираетель“, „организаторъ“ значитъ „устроитель“, слѣд., по мысли Сабатье, мозгъ собираетъ изъ всей природы духъ и устрояетъ, вырабатываетъ его въ стройную личность. Примѣровъ такой собирающей и устрояющей дѣятельности много и въ искусствѣ человѣка, и въ природѣ. Есть машины для собиранія физической силы; напр., заведенная пружина въ часахъ или еще гдѣ-нибудь есть аккумуляторъ. Есть аккумуляторы въ природѣ. Магнитное желѣзо есть собиратель магнетизма. Есть такія вещества, которыя собираютъ свѣтъ; напр., сѣрнистый кальцій, выставленный на солнце, собираетъ свѣтъ и потому долгое время свѣтитъ въ темнотѣ. А вотъ примѣры организаторовъ или устроителей. Разныя, напр., желѣзы въ живомъ тѣлѣ вырабатываютъ въ себѣ опредѣленные жидкости: желчь,

слону и т. п. Въ растеніяхъ есть вещество, собирающее и перерабатывающее углеродъ: это такъ называемый хлорофилъ, который перерабатываетъ углеродъ въ древесину и ея разныя составныя части. Подобно вѣсьмъ этимъ собирателямъ и устроителямъ, дѣйствуетъ и мозгъ человѣка: онъ собираетъ и перерабатываетъ въ стройную и цѣльную личность тотъ духъ, который разбѣянъ во всей природѣ и который всю ее животворитъ. Такимъ образомъ, мозгъ не творитъ и не выдѣляетъ духа, какъ учатъ матеріалисты; онъ является только наиболѣе подходящимъ инструментомъ для проявленія дѣятельности духа. Безъ этого инструмента духъ не выработался-бы въ цѣльную, сознательную личность; точно также безъ этого инструмента духъ не могъ-бы проявляться и развиваться дальше; но все же духъ и мозгъ—вещи особыя и разныя. Выводъ замѣчательный въ устахъ ученаго естествоиспытателя и приверженца теоріи постепеннаго развитія природы! Уже изъ одного этого выясняется прочная почва для вѣрованія въ безсмертіе личности духа: но мозгъ и духъ не одно и то же, и, если разрушается тѣло и мозгъ, т. е., человѣкъ умираетъ, то есть чему еще оставаться отъ бывшаго человѣка, и оставаться самому главному и высокому въ немъ—его устроителю—духу! Ибо „духъ предшествовалъ мозгу“, говоритъ Сабатье, и „духъ самъ образовалъ мозгъ“ (стр. 101), а не наоборотъ!

На основаніи уясненныхъ такимъ образомъ понятій объ отношеніи между духомъ и мозгомъ Сабатье дастъ, наконецъ, отвѣтъ на свой главный вопросъ: въ какомъ видѣ можно себѣ представить безсмертіе личнаго духа. Вся природа подчинена одному общему закону—развитія отъ жизни самой простой и несложной къ жизни развитой и полной. Если разсмотрѣть эту цѣпь развитія жизни, то мы увидимъ, что въ вѣнцѣ ея долженъ быть поставленъ человѣкъ, ибо нѣтъ творенія болѣе развитаго, съ большимъ развитіемъ чувствительности и свободы дѣятельности. Но развитіе по самому существу своего понятія не должно ограничиться въ человѣкѣ однимъ лишь теперешнимъ его состояніемъ. Почему такъ? Потому, что никто не можетъ положить никакого предѣла въ развитіи духа. Не такъ ли и по христіанскому ученію? Не зоветъ ли насъ и божественный голосъ „быть совершенными, какъ совершенъ Отецъ нашъ

небесный“? И какъ положить предѣлъ духу? Вѣдь, по мнѣнію Сабатье, человѣческій духъ собирается изъ разсѣяннаго по всей вселенной духа, постепенно организуясь изъ этого матеріала въ стройное цѣлое личнаго самосознанія; но вселенная безпредѣльна не только по пространству, но и по внутреннему содержанію: сколько бы мы ни изучали ее, она открываетъ намъ все новыя и новыя красоты своего бытія. Люди наиболѣе развитые и ученые откровенно и глубоко вѣрно считаютъ себя ничего незнающими по сравненію того, что они узнали, съ тѣмъ, что еще остается и желательно узнать. Станешь ли глядѣть на великое, конца нѣтъ тому, что можно и хотѣлось бы знать: что такое наша земля? Что такое планеты? Что такое звѣзды? Изъ чего онѣ состоятъ, около какого еще большаго тѣла вращаются? А это новое тѣло—чѣмъ держится, около чего ходить и т. д. Посмотришь ли на малое, и опять нѣтъ конца міру и его красотамъ: узнаешь ли когда, что такое атомы, эти маленькія частички матеріи, лежація въ основаніи всякаго тѣла? Какія силы ихъ приводятъ въ движеніе? Дѣлимы ли они? Что за составъ ихъ? Что за сущность начала органической живой ткани въ самыхъ ея мельчайшихъ первичныхъ видахъ? Какъ она составляется изъ неорганическаго вещества и т. д. Заглянемъ ли въ себя—въ міръ сердечный—и конца нѣтъ желаніямъ и мечтамъ: гдѣ и на чемъ остановится жажда правды и счастья? До тѣхъ поръ сердце человѣка не успокоится, пока оно не только само, но и весь міръ не былъ бы счастливъ! Итакъ, для развитія духа нѣтъ предѣловъ. А между тѣмъ тѣлесная оболочка, и этотъ самый мозгъ, который служить для собиранія и развитія духа, столь хрупки, столь слабы и столь неспособны равняться съ могуществомъ и безпредѣльностью духа, что разрушаются далеко до полнаго развитія личнаго духа. Отсюда ясно, что развитіе, этотъ неизмѣнный законъ природы, должно имѣть мѣсто за предѣлами земной жизни человѣка. Такъ оказывается необходимымъ личное безсмертіе съ точки зрѣнія науки, признающей непрерывное и послѣдовательное развитіе и усовершенствованіе жизни и духа. Но какъ оно возможно будетъ тамъ, за предѣлами земной жизни? Вѣдь, мы видѣли, что, по взгляду Сабатье, духъ для своего собиранія и созиданія нуждается въ организмѣ, въ тѣлесной оболочкѣ.

Можетъ ли послѣ разрушенія нашего тѣла, т. е., послѣ смерти, оставаться отъ человѣка еще что-либо органическое, живое, болѣе прочное, чѣмъ бывшее тѣло, и, самое главное, сохраняющее свою индивидуальность? Неужели возможно и есть другое тѣло, болѣе тонкое, живучее, не уничтожающееся со смертію этого видимаго нашего тѣла? Сабатье, не колеблясь, утвердительно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. „Психическая личность, говоритъ онъ, должно быть, послѣ смерти человѣка, связана съ новымъ организмомъ или новой формой, которая, какъ аккумуляторъ и организаторъ, была бы въ состояніи сохранить ея крѣпость, и обезпечить для нея увеличеніе энергіи и организаціи“ (стр. 103). „Если земной организмъ, говоритъ Сабатье въ другомъ мѣстѣ, былъ произведеніемъ духа, то загробный тѣмъ болѣе можетъ и долженъ быть таковымъ, лишь съ той разницей, что въ условіяхъ, отличающихся другой степенью силы, и произведеніе духа разовьется до высшаго совершенства силы. Если темная и слабая психическая сила могла организовать грубую и немощную земную плазму, т. е. тѣлесное вещество, то можно предположить, что психическая сила, сдѣлавшаяся личностью, можетъ, въ свою очередь, организовать пѣчто въ родѣ загробной плазмы, тонкой и могучей, способной организовать аккумуляторъ высшей психической силы“ (стр. 104). „Этотъ новый аккумуляторъ, продолжаетъ Сабатье, долженъ состоять изъ чего-то, что мы называемъ матеріей, но матеріей болѣе свободной, болѣе легкой, отличающейся болѣе координированнымъ, болѣе гармоничнымъ строеніемъ. Но откуда онъ возьметъ свое начало? Такъ какъ этотъ аккумуляторъ долженъ быть результатомъ психическаго дѣйствія, то онъ можетъ организоваться именно тамъ, гдѣ находится психическій аккумуляторный центръ, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится психическая личность, словомъ, въ нервныхъ центрахъ. Вотъ гдѣ долженъ образоваться по крайней мѣрѣ зародышъ новаго организма. Такой взглядъ нисколько не противорѣчитъ наблюденію. Потому что если глазъ наблюдателя и не можетъ открыть присутствія этого новаго организма, тонкаго, легкаго, нѣжнаго, внутри организма мозгового, то во всякомъ случаѣ факты даютъ намъ право догадываться, если не быть увѣренными, что осязаемая, вѣсомая матерія проникнута матеріей неосязаемой и

невѣсомой. Матеріальная среда, называемая физиками эфиромъ, которой природа такъ неизвѣстна, но которую наука считаетъ вполне возможной, хотя наши чувства и не въ состояніи ее открывать, какъ матеріальную массу. Эта среда, служащая ареной для свѣтовыхъ, тепловыхъ, электрическихъ, магнитныхъ колебаній и многихъ другихъ, неизвѣстныхъ намъ силъ, проникаетъ свѣтящаяся, нагрѣтая, паэлектризованная, намагниченная тѣла и является для этихъ силъ тонкой, неосязаемой средой внутри среды видимой и осязаемой.... Не будетъ-ли точно также и мозговой центръ психическимъ аккумуляторомъ, въ которомъ собраны и организованы совершенно особыя и въ высшей степени замѣчательныя движенія эфирнаго организма духа“ (стр. 105). Есть-ли какіе-либо факты, которые могли-бы наводить на эти мысли объ особомъ, тонкомъ организмѣ внутри грубаго, мозгового и нервнаго организма? Есть, и на нихъ указываетъ Сабатье. Давно уже ученые обратили вниманіе на замѣчательные случаи, когда иные люди вдругъ получаютъ способность ощущать далеко за предѣлами своихъ чувствъ и вдругъ, напр., видятъ и слышатъ то, что происходитъ далеко отъ этихъ лицъ, въ друго .ъ совѣмъ городѣ. А такіе факты бывають и бывають точно также многимъ знакомые случаи, когда чужая мысль и рѣшеніе передается безъ всякихъ сношеній другому, задуманному, лицу. Фактовъ этихъ въ послѣднее время указывали очень много, и они извѣстны подъ именемъ внушенія, или еще гипнотическаго внушенія. Затѣмъ, извѣстны случаи, когда духовное развитіе рѣшительно не подчинялось тѣлесной слабости и возрасту и поражало всѣхъ этимъ несоотвѣтствіемъ, заставляя какъ-бы ясно видѣть, что смерть тѣла будетъ въ такихъ случаяхъ не уничтоженіемъ личности, а началомъ ея болѣе полной и свѣтлой жизни. Сабатье указываетъ, какъ на примѣръ такого несоотвѣтствія, Тэна—знаменитаго философа, человѣка съ рѣдкимъ умомъ, благородствомъ характера и силою воли. Но христіанская исторія могла бы указать тысячи такихъ примѣровъ: пророки, апостолы, мученики, святые, знаменитые пастыри и учителя—не всѣ-ли они были свѣточами духовной жизни, для которыхъ смерть, ясно было, могла служить не концомъ, а началомъ новой лучшей жизни? И замѣчательно, всѣ такіе люди, люди идеи,

люди свѣта и правды, и высшаго развитія, не боялись и не боятся смерти: они всѣмъ своимъ существомъ чувствуютъ, что смерть тѣла для нихъ не конецъ, а начало. Наконецъ, Сабатье ссылается и еще на одинъ фактъ. Часто было замѣчено, что инымъ людямъ являются облики ихъ друзей, знакомыхъ, родныхъ. въ тотъ моментъ, когда эти друзья, знакомые и родные умираютъ. Мы называемъ эти явленія призраками. Конечно, во многихъ случаяхъ, м. б., виновато и воображеніе того, кому они являются. Но не всегда здѣсь дѣло въ одномъ воображеніи. Сабатье полагаетъ, и, можно думать, дѣло и на самомъ дѣлѣ близко къ тому, что въ такомъ случаѣ именно дѣйствуетъ этотъ нашъ внутренній, тонкій, могучій организмъ, который не умираетъ со смертію тѣла, а будетъ жить и развиваться дальше. Наконецъ, сколько было записано и въ исторіи видѣній, явленій высшихъ силъ людямъ? Неужели все это одинъ силошной обманъ или одно воображеніе. Слишкомъ грубо и какъ-то невѣжественно произносить такой приговоръ. Итакъ. внутри нашего смертнаго, хрупкаго организма, есть, по взгляду Сабатье, другой организмъ, болѣе тонкій, могучій, неумирающій, которому и суждено осуществлять дальнѣйшее безпредѣльное развитіе духа. Такова основа для ученія о личномъ бессмертіи по взгляду Сабатье, этого ученаго натуралиста и приверженца теоріи развитія.

Какъ отнестись къ такому взгляду съ христіанской точки зрѣнія?

Безспорно, что ни одному человѣку не суждено сразу овладѣть всей истиной вещей; поэтому, и во взглядѣ Сабатье могутъ быть открыты проницательными читателями пробѣлы и промахи. Но не въ этомъ дѣло, по нашему мнѣнію. Дорога основа взгляда и тотъ предметъ, къ которому прокладываетъ дорогу ученый. Нужно-ли говорить, что эта основа и этотъ предметъ достойны полнаго одобренія. Можно-ли отрицать въ природѣ существованіе развитія? Конечно, нѣтъ. А если такъ, то ясенъ путь и предметъ этого развитія. Только для духа можетъ быть назначено безпредѣльное развитіе и совершенствованіе. Слѣдовательно бессмертіе является необходимымъ условіемъ такого развитія. Что же касается до признанія внутренняго тонкаго организма, который будетъ служить основой для жизни духа

послѣ смерти тѣла, то развѣ и этотъ пунктъ далекъ отъ христіанскихъ вѣрованій?

Развѣ мы не признаемъ, что по воскресеніи мертвыхъ мы будемъ имѣть не одинъ духъ, а и тѣло, и что это тѣло будетъ тонкое, зѣирное, не стѣсненное тяжелыми условіями матеріи, подобно нашему тѣлу. Мы вѣримъ, что все земное развитіе въ часъ, опредѣленный Промысломъ Божиимъ, закончится обновленіемъ всей земной жизни и нашего тѣла, когда воцарится на землѣ царствіе Божіе и мы и по духу, и по тѣлу будемъ сподоблены этого царствія, если только не отворотимъ сами себя отъ этой жизни будущей.

Сергій Кулюкинъ.

Холмъ, Люблинской губ.

1897 г.
